

В. А. Лукин **V. A. Lukin**
Орел, Россия Oryol, Russia

**СЕМИОТИКА ДЕНЕГ:
ДЕНЬГОЦЕНТРИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА
И АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ ДЕНЕГ**

Аннотация. Описывается прагматика и семантика денежных знаков и их естественно-языковых номинаций. Обосновывается ошибочность утверждений о дематериализации и нереперентности современных денег. Авторефлексивность социального института денег позволяет сделать вывод об обратной пропорциональной соотношении между антропоцентричностью денег и деньгоцентричностью человека.

Ключевые слова: семиотика денег; синтактика и прагматика денег; семантика терминов и слов; рефлексивность финансовых процессов.

Сведения об авторе: Лукин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Орловский государственный университет.

Контактная информация: 302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 41, корп. 3, к. 317.
e-mail: lucerby@yandex.ru.

**SEMIOTICS OF MONEY:
MONEYCENTRICITY OF MAN
AND ANTHROPOCENTRICITY OF MONEY**

Abstract. The paper deals with pragmatics and semantics of currency notes and their natural language nominative correlates. Evidence is given against the erroneous idea of the dematerialized and non-referential character of modern money. Autoreflexivity of money as a social institution leads to the conclusion about the inverse proportion correlation between the anthropocentricity of money and moneycentricity of man.

Key words: semiotics of money; syntactics and pragmatics of money; semantics of words and terms; reflexivity of financial processes.

About the author: Lukin Vladimir Alekseevich, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of the Russian Language.

Place of employment: Oryol State University.

Деньги — капитал, финансовые потоки, денежная коммуникация — пронизывают всю систему современного общества. Они взаимодействуют, влияют и подвергаются влиянию со стороны неопределенного большого множества социокультурных кодов, но всегда остаются самими собой. Деньги по своей природе и сути — экономический феномен. Однако как знаки они по праву являются предметом семиотики денег, как социальный институт — предметом социологии денег и институциональной теории денег, как фактор, существенным образом формирующий и деформирующий поведение людей, — психологии денег, как явление, которое многие века определяет и даже предопределяет самоосознание человека, — философии денег. Возможна ли лингвистика денег?

С одной стороны, язык и естественно-языковая коммуникация играют решающую роль в возникновении и становлении современного общества и всех его институтов, включая деньги: «Следует не анализировать институты, предполагая язык заданным, — говорит Дж. Серль, имея в виду, в частности, деньги, — а исследовать роль языка в учреждении институтов» [Серль 2007: 6—7]. С другой стороны, денежные знаки обладают суверенитетом. Было бы ошибкой думать, что лингвист, описывая семантику и прагматику естественно-языковых номина-

ций денег, высказывания или тексты о деньгах, описывает тем самым деньги: «...одна из частых причин неправильного понимания феномена денег — смешение понятий „денег“ и „символов денег“» [Поланья 2010б: 90].

Наша задача в том, чтобы определить место и роль лингвистического анализа в исследовании денег как знаков особого рода. В случае удачи мы сможем ответить на вопросы, которые интересны и значимы отнюдь не только для лингвистов:

– действительно ли деньги стран с наиболее развитыми экономическими системами не знаки, но лишь симуляция подлинных знаков, «симулякры» (Ж. Бодрийяр), не имеющие референта в реальном мире, а обозначающие только сами себя?

– насколько обоснована точка зрения о том, что по мере развития западной цивилизации деньги все более проявляют тенденцию к дематериализации, или, по словам С. Московичи [Московичи 1998], к кортикализации (от лат. *cortex* 'кора', в данном контексте — кора больших полушарий головного мозга), которая находит свое полное выражение в электронных деньгах?

– зависят ли деньги от того, что думают и говорят о них люди, или люди, что бы они ни думали и ни говорили, зависят от денег?

– если деньги — изобретение исключительно человеческого, которому люди отдают сил, мыслей и страстей едва ли меньше,

чем любви и ненависти, то значит ли это, что деньги антропоцентричны, как знаки, например знаковой системы языка, которую в последнее время все чаще призывают интерпретировать с позиций антропоцентризма?

Для ответа на эти и некоторые другие вопросы мы ограничимся анализом бумажных денег, их восприятия простыми людьми, идеей денег вообще и тем, как она отражается в семантике экономических терминов и общеупотребительной лексике.

ДЕНЬГИ: ЗНАК, КОД И ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Дж. Серль [Серль 2007: 12—15] справедливо утверждает, что бумажные деньги (банкноты) создаются в результате перформативного речевого акта: некто (автор речевого акта — *A*), облеченный необходимыми полномочиями (монарх, министр, казначей банка), заявляет: *Эти бумажные изделия (X) считаются деньгами (Y) с момента этого заявления в этой стране (C)*. «Проще говоря, — как пишут в учебниках, — бумажные доллары принимаются в качестве денег просто потому, что правительство заявляет — это деньги» [Макконел, Брю 2001: 279]. Поэтому их называют *fiat money, fiat currency*: в рамках некоторого общественно-экономического уклада, конкретной страны, в конкретной политической и экономической ситуации (Σ) государство, монарх, банк (автор) создает деньги, подобно Господу, который сотворил свет силой своего слова, сказав: «*Fiat lux!*» (Да будет свет!). Вследствие этого определенного вида бумажные изделия начинают расцениваться как репрезентативные (*P*), который в силу заявления *A*, принимаемого всеми получателями (*П*), приобретает интенционал (значение) — *I* — своего рода доверительное соглашение^[1], соотносящее репрезентативные (*P*) с меновой стоимостью (денотатом — *D*), впрочем, точнее было бы сказать, с определенной величиной меновой стоимости, т. е. с экстенционалом (Ξ).

Типологически важно, что при неизменном репрезентативном (*P*) экстенционал (Ξ) денежного знака постоянно изменяется (в обмен на сторублевую купюру (*P*) сегодня можно приобрести такое множество товаров и услуг (Ξ_1), которое меньше, чем соответствующее множество в прошлом году (Ξ_2); в центре Москвы на те же деньги (*P*) купишь меньше продуктов (Ξ_3), чем в Новогиреево (Ξ_4); исходя из теперешнего состояния финансово-экономической системы нашей страны, следует предположить, что в следующем году уже нельзя будет за сто рублей приобрести (Ξ_5) то, что можно сейчас (Ξ_1)...). На этом основании еще Г. Зиммель и М. Вебер считали отдельный экземпляр бумажных

денег переменной: в той мере, в какой меняются экономические и политические условия Σ (аргументы), а они меняются непрерывно, изменяется экстенционал денежного знака.

Зависимость от Σ — экономики, политики, культуры и даже от погоды (засуха или наводнения непосредственным образом влияют на курсы валют) — обуславливает возможность приобретения бумажными деньгами новых денотатов. Так, если денежный знак обозначает меновую стоимость, «а стоимость, с точки зрения капитала, есть мера социального контроля» [Веннерлинд 2010: 78], то чем больше денег, тем больше контроля и власти. Капитал поэтому «обозначает власть в отношениях между людьми», свободу, социальный статус.

В целом денежный код сам по себе прост и не является языком (как полагали В. Зеллигер, М. Маклюэн, С. Московичи, К. Полани и другие философы, экономисты и социологи). Код, состоящий из знаков-переменных, никак не может быть языком. Сложность и относительно высокая мера непредсказуемости финансово-экономической сферы обусловлены не денежным кодом как таковым, а разнородной массой обстоятельств (Σ), предопределяющих его состояние и возможности использования.

Ситуация использования денег сложнее денег. Это касается и коммуникативной ситуации. При ее описании целесообразно учитывать, во-первых, позицию автора (*A*), который создает бумажные деньги как своего рода произведение (Pr^1 ; далее будем называть его произведением автора и обозначать так: Pr^1_A). В результате перформативного речевого акта *A* вкладывает в бумажные деньги (Pr^1_A) семантику, не зависящую на момент их создания от прагматики и однозначно указывающую на основной денотат бумажных денег — меновую стоимость.

Далее, попадая к простому гражданину (получателю в коммуникативном смысле — *П*), бумажные деньги — Pr^1_A — меняют свою семиотическую характеристику. Ведь с точки зрения получателя (*П*) основной проблемой является знание о том, чего стоят (что означают и обозначают) данные банкноты не только здесь и сейчас, но и в обозримом будущем. Важна оказывается не абстракция меновой стоимости (денотат), а ее конкретная величина (экстенционал). Чтобы узнать о будущей величине меновой стоимости, нужно учитывать множество экономических, финансовых, политических обстоятельств, влияющих на деньги (Σ), — семантика оказывается в зависимости от прагматики. Не обладая таким знанием, простой получатель (*П*) довольствуется мнением, надеждой, ве-

рой, замешанной на недоверии. Однако он в любом случае вынужден интерпретировать денежные знаки, рискуя ошибиться в оценке того, чего они конкретно стоят (экстенционала). Другими словами, получатель (Π) на основе Pr^1_A и доступного ему финансово-экономического контекста принужден (поскольку он не может не думать о завтрашнем дне) создавать интерпретацию (свое произведение — Pr^1) бумажных денег (будем далее его называть производением получателя — Pr^1_{Π}).

И, наконец, последнее. Начиная с прото-денег (скот, шкуры, раковины) и кончая электронными деньгами происходит постоянный и всё более интенсивный процесс перекодирования денег. В связи с различными интегрирующими структурами (Σ) меняются авторы (A) денег, виды денег, меняется их материал-носитель (P) и способы задания (I) их экстенционала (Ξ), используются различные знаки и знаки знаков денег. Процесс перекодирования разворачивается как в диахронии, так и в синхронии. Трудно привести пример знаков, которые имели столь же большую глубину семиотического перекодирования, как деньги.

Главное в этом процессе то, что, циркулируя в виде слитков, монет, банкнот, ценных бумаг, карточек, сигарет, соли, водки и т. п., деньги остаются деньгами. Следовательно, существует инвариант перекодирования — деньги как идея, воплощаемая с неизбежными вариациями, усложнениями и упрощениями в различных материалах-носителях (P) в условиях различных типов обществ, экономических укладов, государств, культур (Σ); идеальный инвариант перекодирования денег далее будем называть системным производением денег и обозначать так: Pr^2 .

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ КАК Pr^1_A : МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ДЕНЕГ

Автор (A) бумажных денег создает их как непосредственную материализацию Pr^2 -произведения. Всё многообразие бумажных денег — знаковые варианты Pr^2 -произведения как инварианта. Специфика вариантов в том, что каждый экземпляр бумажных денег является материальным производением (Pr^1_A) — знаком с чувственно воспринимаемым репрезентативом. Таким образом, конкретные бумажные деньги и есть Pr^1_A .

Деньги как Pr^1_A — материальное средство обмена, оплаты, накопления. Человек стремится к обладанию деньгами именно в этом их качестве — в качестве личной собственности.

Иллюзия дематериализации

Бумажные деньги представляют собой лишь одно из многих Pr^1_A — вариантов воплощения идеи денег как Pr^2 -произведения (инварианта). Хронологически эти реализации выстраиваются от протоденег до денег электронных, образуя знаковую последовательность глубины семиотического перекодирования денег.

Многочисленное перекодирование денег в виде монет, банкнот, ценных бумаг, талонов, жетонов, а в трудные времена — табака, соли, водки и т. п. может создать впечатление, что конкретное материальное воплощение денег не только не важно, но и не обязательно. Так считает С. Московичи, говоря о «кортикализации» современных денег, подлинное бытие которых — в сознании людей [Московичи 1998: 406].

В немалой степени идее дематериализации денег содействует мнение об электронных деньгах (вообще о деньгах, сохраняемых на разных электронных носителях) как о нематериальном феномене. Это мнение обусловлено тем, что на глубину семиотического перекодирования денег вообще накладывается многократное перекодирование последнего по времени их Pr^1_A в виде электронного сообщения в Интернете, точнее говоря, в Вебе (WWW). Кажется, будто между сообщением (репрезентативом) на дисплее, которое воспринимает получатель, и его денотатом, а также отправителем сообщения нет ничего, кроме «чистой мысли, или ... чего-то очень похожего на мысль» — одного лишь «электрического напряжения, мчащегося по Сети со скоростью света, в условиях, при которых можно действительно наблюдать светящиеся пиксели или передающиеся звуки, но нельзя потрогать или претендовать на „обладание“ в старом смысле этого слова.

Кто-нибудь может возразить, что информации все-таки нужно какое-то физическое проявление — такое, как магнитное существование на громадных жестких дисках удаленных серверов, однако эти ... (формы существования. — В. Л.) не имеют макроскопически дискретной или лично значимой форм» [Барлоу]. Очевидно, однако, что речь идет не более чем об антропоцентрической инерции восприятия, в соответствии с которой человек склонен считать несуществующим всё то, что не воспринимается его органами чувств [2]. В данном случае это не просто напряжение, «мчащееся по Сети со скоростью света», а множество искусственных кодов и языков, опосредующих сообщение «на входе» и «на выходе» и постоянно перекодирующих это сообщение.

Непосредственным носителем электронных денег как Pr^1_A оказывается не чувственно воспринимаемая материя, а искусственный код (язык). Но сообщения на таких кодах и языках не менее материальны, чем скот и золото. Для разработчиков цифровых систем и интернет-технологий, обслуживающих сферу финансов и экономики, этот тезис давно очевиден (см. о мифе дематериализации денег: [Böhle, Riehm 1998: 50]).

Кроме того, деньги как идея (Pr^2) возможны только в качестве абстракции от чувственно воспринимаемых денежных знаков. Сами же по себе идеи не пригодны для устойчивой и одинаково всеми опознаваемой фиксации меновой стоимости — она ведь тоже идея.

Иллюзия нереферентности

Говоря о наиболее развитых странах и называя их в целом экономикой постмодерна, Ж. Бодрийяр считает, что деньги таких экономик перестали обозначать меновую стоимость. Они существуют «сами по себе и для себя» [Бодрийяр 2000: 74], симулируя подлинные денежные знаки, являются, по его словам, симулякрами (термин изначально был введен Ч. С. Пирсом).

Бодрийяр прав постольку, поскольку всегда есть люди, которые думают об определенном роде бумажных изделиях, что они — деньги и, следовательно, обозначают меновую стоимость, хотя это не так. Но обозначать меновую стоимость можно либо непосредственно (современные бумажные деньги), либо косвенно (вторичные ценные бумаги, или деривативы). Возможно, что денежный знак (ценная бумага) с позиции получателя (P) имеет соответствующий денотат, но с позиции знающего наблюдателя (финансиста, биржевого игрока, специалиста по теории денег, банкира, руководителя рейтингового агентства и др.) видно, что отправитель (а это те же наблюдатели за вычетом специалиста по теории денег) подменяет объект обозначения, превращая деньги в плохие деньги^[3] или неденьги. Плохие деньги, оставаясь сами собой, всё равно обозначают меновую стоимость, но, как правило, косвенно (между ними и меновой стоимостью располагается некоторое число субститутов хороших денег). Симулякрами тогда следовало бы называть неденьги, которыми пользуются как деньгами.

Бодрийяр неправ хотя бы потому, что отправитель и наблюдатель не считают симулякры деньгами, это вообще не деньги. Однако доллар (симулякр, по Бодрийяру), возможно, и должен быть отнесен к плохим деньгам: он «менее денежен», чем 50 лет тому назад, однако за долларовой массой стоит всё же и реальная экономика, реаль-

ная власть, политическая и военная сила. Доллар, таким образом, остается референтным; он не симулирует деньги, он симулирует хорошие деньги, сам оставаясь деньгами (но плохими)^[4].

Большая глубина семиотического перекодирования денег позволяет «прятать» неденьги среди денег. Но чтобы симулировать, а эта тенденция несомненна, нужно иметь объект симуляции. Если бы деньги экономик США и Западной Европы вдруг стали симулякрами, это бы означало, что таких экономик нет.

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ КАК Pr^1_P :

«ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ» ДЕНЕГ

Деньги как Pr^1_P — это то, как человек интерпретирует деньги. Ядром подобной интерпретации должно быть то содержание, которое обусловлено деньгами как Pr^2 и Pr^1_A . В этом случае индивид ведет себя рационально, используя деньги по их прямому назначению. Современная (немарксистская) экономическая теория «основана на предположении о „рациональном эгоизме“. Люди принимают рациональные решения для достижения наибольшего удовлетворения или максимального осуществления своих целей» [Макконел, Брю 2001: 12].

Однако в силу того, что деньги представляют собой простой код, функционирующий только во взаимодействии с другими социокультурными кодами, ничто не мешает людям придавать денежным знакам окказиональную семантику — не обязательную с точки зрения рационального поведения и, возможно, противоречащую ему. Денежный знак в качестве переменной осмысливается как зависимый не только от экономических факторов. В рамках национальной культуры, господствующей религии, в связи с моральными и нравственными ценностями, в связи с их источником и целью деньги могут расцениваться как грязные, левые, церковные, детские, женские, трудовые, неправедные, карманные.

Социолог В. Зелизер полагает, что коль скоро деньги — «язык», то есть и «диалекты»: «Люди производят разные денежные средства для многих, а возможно, и для каждого типа социального взаимодействия — подобно тому, как в разных социальных контекстах они используют разные языки» [Зелизер 2002: 60]. Но если семантика денег зависит от их субъективной интерпретации и, по В. Зелизер, «не существует каких-то единых, универсальных, обобщенных денег», то почему в функциональном отношении все они обнаруживают единство, остаются деньгами? Только потому, что являются знаками стоимости. Это то, что делает

деньги деньгами, и никакая ситуативная (оказиональная) семантика не может ни противоречить этому, ни отменить этого. Будучи средством обращения, деньги не несут на себе ни следов обстоятельств обмена, ни формальных показателей каких бы то ни было социокультурных кодов: «Так как товар, превращаясь в деньги, исчезает как таковой, то на деньгах не остается следов того, как именно они попали в руки владельца и что именно в них превратилось. Деньги по олет [не пахнут], каково бы ни было их происхождение» [Маркс 1960: 120].

Наиболее взвешенным представляется мнение, согласно которому деньги в $Pr^1_{л}$ индивида совмещают узуальную семантику, обусловленную Pr^2 и $Pr^1_{А}$ денег, с оказиональной. «Словом, деньги, в силу их особой природы, являются предметным проводником-бланкетом, годным для передачи весьма многочисленных психических переживаний» [Сорокин 2008: 151]. Это обеспечивает тем, что деньги «в силу их „пустоты“, в силу того, что они являются мерой всех вещей, ... могут выражать собой самые различные вещи, могут побуждать к самым различным поступкам, оставаясь тождественными самим себе...» [Там же: 151].

При этом $Pr^1_{л}$ принципиально отлично от Pr^2 и $Pr^1_{А}$. Если Pr^2 — идея денег, а $Pr^1_{А}$ — деньги как таковые, материальные денежные знаки, то $Pr^1_{л}$ — это результат субъективной интерпретации денежных знаков ($Pr^1_{А}$), либо соответствующий Pr^2 , либо частично соответствующий, либо вовсе не соответствующий. Последнее означает, что, хотя деньги представляют собой функционально обусловленную семиотику, нет никаких запретов, в том числе функциональных, использовать деньги так, как будто они принадлежат какому-то другому социокультурному коду. Нетипично, невыгодно, но возможно иррациональное $Pr^1_{л}$ денег, в результате которого деньги ($Pr^1_{А}$), например, сжигают, выбрасывают, совершают объективно не вынужденные и одновременно преднамеренные, спланированные действия с тем, чтобы избавиться от денег [Фернам, Аграйл 2006].

Однако очевидно, что и экономисты интерпретируют деньги неодинаково, существуют разные теории денег, а общепризнанного их определения нет. В таком случае возникает вопрос: чем с семиотической точки зрения отличаются $Pr^1_{л}$ простых людей от $Pr^1_{л}$ экономистов?

Отличие в том, что специалист по теории денег, как и всякий человек науки, стремится за внешним разнообразием феноменов увидеть объединяющую их идею. Это значит,

что он преследует цель отразить в своем $Pr^1_{л}$ сущность различных видов денег — то, что их объединяет при всем различии экономики, форм выражения и специфики циркуляции. Иначе говоря, цель в том, чтобы найти инвариант перекодирования денег Pr^2 , исходя из множества вариантов их семиотического перекодирования.

При таком подходе каждое новое $Pr^1_{л}$ подвергается проверке, критике, фальсификации или верификации. Чем более значимым представляется научному сообществу то или иное $Pr^1_{л}$, тем активнее происходят все эти процессы; форма их реализации — тексты статей, рецензий, обзоров, монографий, устных выступлений на конференциях, обсуждений на семинарах и т. п. Наиболее конструктивные и ценные из $Pr^1_{л}$ оказываются множеством раз по-разному выраженными во множестве текстов, т. е. они оказываются инвариантами относительно множества вариативных форм их выражения. Так, например, очевидно, что периодический закон Менделеева, закон гомологических рядов Вавилова, принцип равновесия Нэша, парадокс Рассела инвариантны относительно форм их выражения в учебных, научно-популярных и научных текстах, следовательно, они являются Pr^2 -произведениями. Всякая наука с этой позиции есть системно упорядоченное множество произведений Pr^2 , отображаемое во множестве текстов [Лукин 2007]. Тогда теория денег имеет статус Pr^2 -метасистемы, объектом которой является Pr^2 -система денег.

В этом принципиальное отличие $Pr^1_{л}$ профессионалов от $Pr^1_{л}$ простых людей. Поскольку деньгами ($Pr^1_{А}$) пользуются все, у любого члена общества складывается осознанное или неосознанное представление о деньгах «вообще». Совсем не обязательно оно у каждого свое. Так, в границах национальной культуры формируется обобщенное представление о деньгах, не лишённое противоречий, но обладающее известной целостностью. Однако оно не складывается в Pr^2 -систему: различные $Pr^1_{л}$ не вступают в отношения, которые привели бы к формированию Pr^2 -инвариантов. Очевидно, что изучение национальных стереотипов восприятия денег даст представление не о деньгах ($Pr^1_{А}$), а об их видении ($Pr^1_{л}$) носителями национальной культуры (см. о «мифологии денег» в статье Н. Н. Зарубиной [Зарубина 2007]).

Различие, рассогласованность и даже конфликт между $Pr^1_{л}$ профессионалов и $Pr^1_{л}$ рядовых членов общества может составить предмет чисто лингвистического анализа.

КОНФЛИКТ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Для восприятия денег рядовыми носителями культуры характерно особое отношение к «моим деньгам». Некоторое количество «моих» денег (Pr^1_A) — личная собственность. Эти деньги материальны, являются своего рода вещью, обладание ими дает уверенность, стабильность, создает ощущение надежности. Но «мои» деньги подчиняются закономерностям Pr^2 -системы, их вещная составляющая (репрезентативная), в самом деле, практически неизменна, тогда как экстенционал всегда находится в движении. Надежда на устойчивость, стабильность денег как личной собственности приводит в противоречие с мобильной и изменчивой природой денег как таковых. Кто-то хочет только иметь, но в случае денег иметь — значит тратить: «Деньги — единственный товар, из которого нельзя извлечь пользу иначе, чем избавившись от них. <...> Они обладают ценностью для вас только в тот момент, когда вы отказываетесь от обладания ими» [Макконел, Брю 2001: 273].

Это противоречие получает выражение в семантике терминов экономической теории, которой противостоит лексическая семантика слов, ассоциирующихся с деньгами в восприятии широкой аудитории неспециалистов.

Семантика терминов обусловлена мобильностью денег, их коммуникативной функцией, их способностью как переменной меняться в зависимости от множества факторов. Изменения предполагают время, время — изменения: «...время есть изменяющийся и распространяющийся поток» [Вригт 1986: 526]. Существование денег подчиняется времени^[5], что и отражает семантика терминов, которая может быть передана метафорой **ДЕНЬГИ — ЭТО ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ ПОТОК**. Ср. расхожую метафору *деньги — кровеносная система экономики*, а также устоявшиеся термины: **вливание, впрыскивание, источник, отмывание, утечка денег; выгоды перелива, дефицит баланса текущих операций, издержки перелива, кредит „против течения“, метод изъятий и вливаний, нота на плавающую сумму, отток капитала, счета с переливом средств, плавание валют, плавающая ставка, плавающий валютный курс, преимущества перелива, свободно плавающие валюты, денежный поток, текущие активы (пассивы), текущие обязательства, текущие операции, текущий счет, перелив капитала, приток капитала, слияние капиталов, эффект перелива**.

В то же время носители русского языка, наоборот, воспринимают деньги как статичный материальный объект, ассоциируют их в

первую очередь с металлом и бумагой, а не с текучей жидкостью или абстрактной идеей^[6].

Адекватным материалом для подтверждения сказанного будут не лексика сама по себе и не тексты о деньгах, а данные массовых ассоциативных экспериментов, отраженные в «Русском ассоциативном словаре».

Рассмотрим словарную статью со стимулом *деньги* из «Русского ассоциативного словаря» [РАС, I: 161]:

«ДЕНЬГИ: большие **41**; много **19**; бешеные, кошелек **14**; золото **12**; бумага, крупные, нужны **11**; мало **10**; зло, рубль **9**; бумажные, вода, время, не пахнут, нет **8**; есть, кончились, счастье, считать **5**; бумажки, грязные, грязь, мелочь, мои, монета, получить, тратить, чужие **4**; бабки, в кармане, вперед, дать, деньги, дрянь, жизнь, заработанные, мусор, на бочку, необходимость, получать, работа, стипендия, товар, шальные **3**; вещи, займы, делать, деревянные, доллар, доллары, доход, заработать, зеленые, истрачены, левые, малые, мани, машина, медные, монеты, немалые, не нужны, нету, огромные, пахнут, счет, трудовые, это зло **2**; а их никогда не бывает, банк, бег, благополучие, блат, блеск, богатство, больше, брат, бред, брр, будущее, бумажка, бумажный, бывают, были, быть, бюджет, валюта, в банке, в гости, в долг, взять, в кассу, в кино, в кошельке, власть и свобода, вносят спокойствие в наши души, воздух, возможности, врозь, все, все!, всегда не хватает, в сумке, выплатить, где взять, где их взять, государственные, греют, гроши; грязь, но без них никуда; давать, да так, дать займы, длинные, достал, достались, достать, живые, заботы, зависимость, зарабатывать, зарплата, зачем?, звенят, звякнуть, злость, иметь, имеются, истратил, исчезли, и хлеб, казначейские билеты, какие, карман, карманные, касса, кассир, категория, кварта, класс!, количество, кольцо, конопля, копейки, копить, красивые, крест, купюры, курица, лежат, летят, лишние, люблю, любят счет, магазин, маленькие, материальные ценности, мелкие, металл, мимо, мне очень нужно, много золотых монет, море, мотоцикл; мусор, но их не хватает; мыло, на ветер, на книжке, на обед, на стол, на цель, не главное, не имеются, необходимость иметь много, несчастье, нетрудовые, нет слов, не хватает, нехватка, ничто, новые, ноги, нужна, нужны всем, одежда, одолжить, они нужны, осень, отдавать, отдать, отдых, откуда, отпуск, отсутствие, отсутствует, отсутствуют, плата, платили, побольше, побольше и покрупней, поездка, покупать, покупка, портмоне, потратить, почта, прибыль, при коммунизме, причина, проблема, пройдо-

ха, пропали, *радость*, рубли, *свобода*, свои, *серебро*, *сила*, сорить, спекулянты, средства, *ссора*, старые, стипендии, текут, *труд*, *труха*, украдены, украли, у мамы, уплыли, фальшь, фантики, халтура, *хлам*, *хлеб*, *хорошо*, хочу, *часы*, честные, чистые, шуршание, это бумага, это все 1». (Здесь и далее сохраняются обозначения, принятые в РАС: курсивом выделены реакции, входящие в список стимулов; полужирным шрифтом даны цифры, указывающие на частоту стоящих перед ними реакций в ответах испытуемых. Обычное выделение примеров курсивом заменено полужирным курсивом; цифры в скобках, не выделенные полужирным шрифтом, обозначают количество одинаковых или однокоренных слов-реакций в словарных статьях.)

Реакции распределяются следующим образом:

ГИПЕРОНИМ: деньги 3.

СИНОНИМЫ К ГИПЕРОНИМУ: бабки 3, мани 2; средства 1.

ГИПОНИМЫ:

ВИДЫ ДЕНЕГ В СВЯЗИ С ИХ МАТЕРИАЛОМ-НОСИТЕЛЕМ:

– золото 12, мелочь 4 (→ ‘обычно металлические деньги’), монета 4, медные 2, монеты 2; блеск (→ ‘металл’), звенят (→ ‘металлические деньги’), звякнуть (→ ‘металлические деньги’), металл (→ ‘металлические деньги’), много золотых монет, серебро 1;

– бумага 11 (→ ‘бумажные деньги’), бумажные 8, бумажки 4, зеленые (‘бумажные доллары’) 2; бумажка, бумажный, казначейские билеты, купюры, фантики, шуршание (→ ‘бумага’), это бумага 1.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ: рубль 9, доллар 2, доллары 2; рубли, копейки 1.

СВОЙСТВА ДЕНЕГ: крупные 11; государственные, длинные, живые, мелкие, новые, старые 1.

АНТОНИМЫ: **крупные 11 — мелкие 1; новые 1 — старые 1.**

ДЕНЬГИ В СВЯЗИ С ИХ ИСТОЧНИКОМ, СПОСОБОМ ПОЛУЧЕНИЯ И ЦЕЛЬЮ: бешеные 14, не пахнут 8, грязные 4; заработанные, шальные 3; левые, пахнут, трудовые 2; карманные, лишние, нетрудовые, честные, чистые 1.

АНТОНИМЫ: **не пахнут 8 — пахнут 2; грязные 4 — чистые 1; заработанные 3 — шальные 3; трудовые 2 — нетрудовые 1.**

НЕМОНЕТАРНЫЕ ОЦЕНКИ ДЕНЕГ: зло 9, счастье 5; грязные, грязь 4; дрянь, жизнь, мусор 3; это зло 2; благополучие, брр, власть и свобода, вносят спокойствие в наши души, все, все!, греют; грязь, но без них никуда; злость, класс!, люблю, материальные ценности; мусор, но их не хватает; не

главное, несчастье, нет слов, ничто, радость, свобода, сила, труха, фальшь, халтура, хлам, хорошо, это все 1.

АНТОНИМЫ: **счастье 5 — несчастье 1; власть и свобода, свобода 1 — зависимость 1; все, все!, это все 1 — ничто 1.**

Толкованию области-источника метафоры *ДЕНЬГИ — ЭТО ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ ПОТОК* соответствуют только существительные **вода, время 8, воздух 1** и глаголы **летят, текут, уплыли 1** [7].

Если обратиться к другим номинациям денег, фигурирующим во втором томе «Русского ассоциативного словаря» в качестве слов-стимулов (*валюта, ваучер, деньги* (и *денежный*), *доллар, золото, копейка, монета, рубль* (и *рубль бережет*), *чек, \$*), то за исключением того, что деньги чаще всего ассоциируются сами с собой [8], картина остается сходной: наиболее разнообразными и частотными являются слова-реакции со значением материала, из которого изготавливают деньги, и их соответствующие метонимические наименования. Прежде всего это металлы: **золото** и **золотой** (всего в словарных статьях перечисленных слов-стимулов они встретились 13 раз), **медь** и **медный** (9), **серебро** и **серебряный** (9), **железо, железный, железка** (8), **металл, металлический** (7), **бронза** (1), **платина** (1). Что касается обозначений бумажного носителя денег, то тут, естественно, нельзя ожидать такого же разнообразия. Однако в ряду других однокоренных слов-реакций **бумага, бумажка** и **бумажный** (21) уступают по частоте встречаемости только словам-реакциям с корнем **-деньг/еж-** (28).

При этом реакции со значением ‘бумага’ свойственны прежде всего стимулам **ваучер (бумага, бумажка 5; ценная бумага 2; официальная бумага 1)** и **рубль (бумажный 21; бумажка 6; бумага 5; бумажный рубль, один (бумажн.) 1)**; реакции со значением ‘металл’ — стимулам **рубль (железный 49; золотой 9; серебряный 4; металлический 3; золотом 2; железка, желтая монета, железное, железо, золотое содержание, медный, серебро, серебром 1) и золото (серебро 61; металл 18; платина 8; драгоценный металл, медь 2; бронза, железо и серебро, металл презренный, платинное 1).**

В то же время реакции с семантикой ‘изменяющегося потока’ единичны и нерегулярны.

Любопытно, что этимология слов, обозначающих протоденьги в индоевропейских языках, оказывается ближе к семантике современной терминологии. По крайней мере, Э. Бенвенист обосновывает тот факт, что,

вопреки распространенному мнению, индоевропейское *resci и его производные (лат. *rescīnia*, др.-сев. *fé*, др.-англ. *féon* и др.) первоначально обозначали не 'скот', а 'личное движимое имущество': «Переход „движимое богатство > скот“ типичен. Но, раз совершившись, он оказывается необратимым. Таким образом, „скот“ очень часто обозначается терминами, относящимися к имуществу вообще, т. е. называется просто „имущество“; обратное же не имеет места никогда» [Бенвенист 1995: 59] [9]. Неудивительно, что это мнение согласуется с представлением о том, что именно «кочевые народы впервые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме, и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем самым побуждает к обмену продуктов» [Маркс 1960: 99].

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ ИНСТИТУТА ДЕНЕГ

Очевидно, что теории, предметом которых являются $Pr^1_{л}$ бумажных денег, исследуют не деньги, а людей (психология, социология) и знаки денег, не являющиеся деньгами (лингвистика).

Значит, следовало бы думать, что не деньги зависят от наших представлений о них, а наши представления о деньгах ($Pr^1_{л}$) зависят от денег ($Pr^1_{д}$): «Человеческая жизнь, конечно, складывается независимо от представления о деньгах, как и действия, совершаемые с этими количественно измеримыми предметами, описываются определенными терминами, независимо от нашего представления о них» [Полань 2010б: 89].

Контрпримером к сказанному служит, например, то, что недоверие людей ($Pr^1_{л}$) к национальной валюте ($Pr^1_{д}$) может вызвать массовое стремление избавиться от национальных денег ($Pr^1_{д}$) с целью приобретения иностранной валюты ($Pr^1_{д'}$), а это неизбежно скажется на изменении курса национальных денег — на величине меновой стоимости, обозначаемой денежным знаком ($Pr^1_{д}$).

Тогда, может быть, следовало бы считать верным обратное: деньги ($Pr^1_{д}$) зависят от того, что думают о них люди ($Pr^1_{л}$)? Это довольно распространенное мнение: «Можно сказать, что деньги имеют самореферентную природу: деньги есть то, что все считают деньгами» [Аглиетта, Орлеан 2006: 91]; «Термин „деньги“ указывает на то, что используется и рассматривается в качестве денег. <...> Дело не в том, что для того, чтобы иметь институт денег, люди обязательно должны иметь в своем словаре слово „деньги“. Но у них должны быть определенные

мысли и установки в отношении чего-то, чтобы это что-то стало деньгами; и эти мысли и установки входят в качестве составных частей в само определение денег» [Серль 1993: 51—52].

Дж. Серль, конечно, прав в том, что денег вообще не было бы, если бы люди о них не думали. Оставив в стороне вопрос о возникновении денег и обратившись к современности, следовало бы спросить: какие люди?

Допустим, те, которые создают бумажные деньги ($Pr^1_{д}$) вследствие перформативного речевого акта. Но, как правило, деньги выходят из-под их контроля. Так, что бы ни думали о долларе люди, от которых зависело финансовое положение США, они вряд ли желали кризиса, начавшегося в 2008 г. Кроме того, как показал опыт, неоднократно высказывавшиеся суждения о деньгах ($Pr^1_{л}$) прозорливых экономистов, предрекавших финансовый кризис и решающую роль США в его возникновении, не предотвратили катастрофу.

Скорее всего, деньги ($Pr^1_{д}$) и рынки таковы, что между ними и их теоретическими описаниями, а также их оценкой финансистами-практиками ($Pr^1_{л}$) «существует, — утверждает Дж. Сорос, — двусторонняя связь. С одной стороны, участники пытаются понять ситуацию, в которой они участвуют. Они пытаются создать картину, соответствующую реальности. Я называю это *пассивной*, или *когнитивной функцией*. С другой стороны, они пытаются оказать влияние, подделать реальность под их желания. Я называю это *активной функцией*, или *функцией участника*. Когда реализуются одновременно обе функции, — я называю такую ситуацию рефлексивной. Я использую это слово, как и французы, когда они употребляют возвратные глаголы...

Когда обе функции реализуются одновременно, они могут вмешиваться в действия друг друга. Через функцию участника люди могут оказывать влияние на ситуацию, которая, как предполагается, должна выступать в роли независимой переменной для когнитивной функции. Следовательно, понимание участников не может рассматриваться как объективное знание. И поскольку их решения не опираются на объективное знание, то, естественно, результат будет расходиться с их ожиданиями» [Сорос 1999: 17].

В этом рефлексивном целом, не сводимом к простой сумме своих составных частей, формируется и функционирует Pr^2 -система денег. Специфика современных денег обусловлена особой ролью, которую играет рыночная экономика в нашем обществе.

До капитализма «экономика, как правило, была вплетена в социальные отноше-

ния» [Поланьи 2010а: 36]. Рыночная экономика навязывает обществу экономические стимулы и ценности в качестве универсальных. К. Поланьи (для объективности отметим, что это антикоммунист) утверждает, что «рыночный механизм стал главной частью общественного организма. Неудивительно, что возникшее сообщество стало экономическим в невиданном масштабе. Экономические стимулы стали безраздельно царить в подчинившемся им мире, а индивиды были вынуждены следовать им из страха оказаться раздавленными железной поступью рынка» [Там же: 35]. В итоге создается невозможная ранее ситуация: «...не экономическая система встроена в социальные отношения, а эти отношения встраиваются теперь в экономическую систему» [Там же: 41]. Самоорганизующийся рынок постоянно воспроизводит экономические стимулы и ценности, которым вынужден подчиняться социум и его отдельные члены.

«Такое вынужденное обращение в утилитарную веру роковым образом повлияло на самосознание западного человека» [Там же: 35]. Закономерно, что прежде всего в США деньги как капитал и состояние стали обозначать социальный статус, престиж, успех, цель жизни; «в свою очередь, семья, школа и работа — основные факторы, формирующие структуру личности и целевую структуру американцев — обеспечивают интенсивное дисциплинирующее воздействие, необходимое для того, чтобы индивид сохранял в неприкосновенности цель, которая от него постоянно ускользает, и черпал мотив в надежде на вознаграждение, которая из раза в раз не оправдывается» [Мертон 2006: 250]. Измеряемый деньгами, человек, подобно всему, становится в разных своих ипостасях объектом обозначения денег, т. е. товаром. «Изобретение товаров поставило судьбы человека и природы в зависимость от автоматического процесса (рыночной экономики. — В. Л.), который катится по своим рельсам и подчинен собственным законам. Ничего подобного раньше не было» [Поланьи 2010а: 34].

В итоге человек эпохи рыночной экономики неизбежно деньгоцентричен. Он включен в систему, в которой «деньги правят теперь жизнью людей в большей степени, чем когда-либо раньше» [Сорос 1999: 78], и поэтому описывает, измеряет и оценивает себя и общество с позиции денег.

Было бы, однако, несправедливо винить во всем рефлексивный и саморегулируемый финансово-экономический процесс. Рыночная экономика в чистом виде нигде не существует. Всегда и всюду имеет место госу-

дарственное регулирование экономических процессов, т. е. человеческое вмешательство в «автоматический процесс, который катится по своим рельсам». По этой и по ряду других причин представление homo economicus в качестве исключительно рациональной абстракции, порождаемой самоорганизующейся рыночной экономикой, неверно. Так, последний кризис показал, что человек остается человеком: он с удовольствием переливает в собственную «кровеносную систему» «кровь экономики», превращая деньги в свою неотторжимую принадлежность, т. е. изымает их из реальной экономики. Тогда сама экономика отходит на второй план. Простая и неистребимая человеческая жадность (обусловившая, в частности, «явный обман» и «кажущуюся непредсказуемость катастрофы» 2008 г. [Несветайлова 2010: 33]) трансформирует деньги в инструмент дестабилизации и разрушения рыночной экономики. Несмотря на «новую экономику», «новую парадигму менеджмента кредитных рисков» и т. п., одной из существенных причин глобального кризиса стал чисто человеческий фактор, встроены в природу капитализма (как бы его ни называли — экономикой постмодерна, постиндустриальным обществом, информационным, сетевым или как-либо иначе)^[10].

Человек ищет и всегда находит возможность относиться к деньгам как к средству удовлетворения своих исконных вожделений. Капитализм не только не мешает, но и способствует этому, особенно в фазе кризиса. С этой точки зрения деньги как экономический феномен антропоцентричны, их нельзя определять и описывать, игнорируя позицию участника (и наблюдателя) денежных отношений. В конечном счете деньги потому измеряют человека, что человек хочет всё измерять деньгами; деньги и люди так влияют друг на друга, что степень антропоцентричности денег оказывается в прямой зависимости от деньгоцентричности человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. На этом основании бумажные деньги называют еще фидуциарными (от лат. *fiducia* 'уверенность').

[2]. В такой формулировке эта иллюзия может рассматриваться как общее соответствие более конкретному феномену «денежной иллюзии» (Дж. Кейнс).

[3]. Деньги отнюдь не бескачественны: еще в XVI веке Н. Коперник, а за ним Т. Грэшем отличали «хорошие» деньги от «плохих» («закон Коперника — Грэшема»).

[4]. Критический анализ концепции денег как симулякров в связи с идеей о дематериализации денег см. в следующей работе: [Winkler 2004: 36—38].

[5]. М. Фуко, говоря о деньгах XVII в. (именно тогда в Европе получают распространение бумажные деньги), утверждает, что «время принадлежит к внутреннему порядку представлений, составляя с ним единое целое. Оно сопровождает и непрерывно изменяет способность богатств представлять и анализировать самих себя в денежной системе» [Фуко 1977: 260].

[6]. Определенную роль в этом играет то, что в современной России «доля наличных денег в широкой денежной массе одна из самых высоких в мире» (нас опережают Ирак, Украина, Грузия, Албания и Молдавия) [Мамонов, Пестова, Солнцев 2011: 81]. Аналогичного восприятия денег следует ожидать в любых социальных группах, в которых исключительное предпочтение отдается наличности (ср. данные об англоязычных сленговых номинациях денег: [Фернам, Аграйл 2006: 466—467]).

[7]. Носители русского языка, хотя и ассоциируют деньги со временем [РАС, т. 1: 161], но чаще все же время — с деньгами [РАС, т. 1: 114] (ср. метафору *ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ* при отсутствии **ДЕНЬГИ — ВРЕМЯ*). Это как будто еще раз свидетельствует в пользу того, что непрофессионалы скорее время осмысливают с «монетаристской» точки зрения, нежели деньги — с темпоральной.

[8]. В результате формируется достаточно представительный фрагмент семантического поля, включающий имена денег [РАС, т. 2]: *деньги* (имя поля), *акция, алтын, ассигнация, бабки, бак, банкнота, банковский ваучер, билет, бумажка, валюта, ваучер, вексель, гривна, грош, денежная единица, деньга, деревянные, дойч-марка, доллар, зелень, золото, золотой, казначейский билет, капитал, капуста, карбованец, копейка, кредитная карточка, купон, купюра, мани, марка, медь, мелочь, монета, наличные, неденьги* (квазиантоним к имени поля), *орел, полтинник, пятак, решка, рубль, сберегательная книжка, серебро, СКВ, средства, тугрик, фантики, фунт, ценная бумага, цент, чек, червонец, \$, DM*.

[9]. См. дополнительные данные в пользу этой точки зрения: [Проскурин, Елсакова 2008].

[10]. «Банковские кризисы принято было трактовать как недуги незрелого капитализма XIX в. или как симптом развивающихся стран, но уж никак не трудности финансово ориентированной глобализирующейся экономики наших дней» [Несветайлова 2010: 34].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аглиетта М., Орлеан М.* Деньги между доверием и насилием. — М.: ГУ ВШЭ, 2006.
2. *Барлоу П. Б.* Продажа вина без бутылок: экономика сознания в глобальной Сети // Русский журнал. URL: <http://old.russ.ru/netcult/99-03-26/barlow.htm> (дата обращения: 05.04.2013).
3. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. — М.: Прогресс, 1995.
4. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000.
5. *Веннерлинд К.* О чем молчит презренный металл? Семиотика денег и общественный контроль // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 65—82.

6. *Вригт фон Г. Х.* Логико-философские исследования. — М.: Прогресс, 1986.

7. *Зарубина Н. Н.* Мифология денег в российском обществе // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 39—48.

8. *Зелизер В.* Создание множественных денег // Экономическая социология : электр. журн. 2002. Т. 3, № 4 (сент.). С. 58—72. URL: ecsoc.hse.ru/data/634/586/1234/ecsoc_t3_n4.pdf (дата обращения: 05.04.2013).

9. *Лукин В. А.* В поисках «смыслового исхода» типологии текстов // Язык как материя смысла : сб. статей к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой. — М.: Азбуковник, 2007. С. 497—520.

10. *Макконел К. Р., Брю С. Л.* Экономикс: принципы, проблемы, политика. — М.: Инфра-М., 2001.

11. *Мамонов М., Пестова А., Солнцев О.* Культ наличности в России: как его развенчать и к чему это приведет? // Вопросы экономики. 2011. № 7. С. 79—101.

12. *Маркс К.* Капитал // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. — М.: Гос. изд-во. полит. литературы, 1960.

13. *Мертон Р.* Социальная структура и социальная теория. — М.: АСТ, 2006.

14. *Московичи С.* Машина, творящая богов. — М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.

15. *Несветайлова А.* Загадки глобального кредитного краха, или Об иллюзии ликвидности // Вопросы экономики. 2010. № 12. С. 33—57.

16. *Поланьи К.* Наша устаревшая рыночная психология // Поланьи К. Избранные работы. — М.: Территория будущего, 2010а. С. 31—46.

17. *Поланьи К.* Семантика использования денег // Поланьи К. Избранные работы. — М.: Территория будущего, 2010б. С. 89—103.

18. *Проскурин С. Г., Елсакова А. Л.* Концепт «ДЕНЬГИ» в индоевропейской традиции // Язык и культура. — Томск, 2008. № 2. С. 60—64.

19. *РАС = Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов.* — М.: Астрель : АСТ, 2002.

20. *Серль Дж.* Сознание, мозг, наука // Путь. 1993. № 4. С. 3—66.

21. *Серль Дж.* Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5—27.

22. *Сорокин П. А.* Система социологии. — М.: Астрель : АСТ, 2008.

23. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. — М.: ИНФРА-М, 1999.

24. *Фернам А., Аграйл М.* Деньги. Секреты психологии денег и финансового поведения. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2006.

25. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М.: Прогресс, 1977.

26. *Böhle K., Riehm U.* Elektronisches Geld und Internet-Zahlungssysteme. Innovationen, Mythen, Erklärungsversuche // TA-Datenbank-Nachrichten. 1998. № 2. S. 40—54.

27. *Winkler H.* Diskursökonomie. Versuch über die innere Ökonomie der Medien. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева